

съ которыми полумѣры постоянно должны имѣть пагубныя послѣдствія въ смыслѣ административномъ, равно и въ филантропическомъ.

Примѣчаніе. Настоящій рассказъ написанъ Петромъ Николаевичемъ Диринимъ и сообщенъ намъ Петромъ Алексѣевичемъ Зубовымъ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы убѣдительно просимъ лицъ, которые, какъ очевидцы, помнятъ событія, сопровождавшія мятежъ Новгородскихъ поселянъ, подѣлиться своими воспоминаніями и рассказами съ читателями „Русской Старины“.

Ред.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ПРУССКИХЪ ДѢЛАХЪ.

1848 г.

(Переводъ). I. Съ нѣкотораго времени носится слухъ о военномъ дѣйствіи, предпринимающемся противъ Берлина. Какая его цѣль—неизвѣстно, но можно предполагать, что оно будетъ обращено противъ черни, дѣлающей почти каждый вечеръ изъ Берлина арену всѣхъ своихъ неистовствъ. Надо надѣяться, что цѣль эта будетъ легко достигнута помощью многочисленнаго и вѣрнаго войска, нетерпѣливо желающаго отомстить за оскорбленія и униженія, такъ мало имъ заслуженныя.

(Подлинникъ) I. Depuis quelque temps il est bruit d'un mouvement militaire qui va s'opérer contre Berlin. Quel est son but — on l'ignore; mais il est permis de supposer qu'il sera dirigé contre la lie de la population qui fait presque journellement le soir de Berlin le théâtre de tous ses excès. Il faut espérer que ce but-là sera facilement atteint par une troupe nombreuse, fidèle et surtout impatiente de venger ses affronts et son humiliation si peu méritée.

Mais quand ce fait sera accompli, quelle sera la marche ultérieure du gouvernement et que lui conviendra-t-il de faire pour rendre à la monarchie son ancienne force et restaurer sa puissance passée?

Pour répondre à cette question il semblerait nécessaire d'abord d'établir, quelle est la forme du gouvernement qui convient le mieux à la position géographique de la Prusse, à ses antécédents et à sa composition actuelle?

L'histoire témoigne que la Prusse a dû sa grandeur à l'esprit belliqueux de ses maîtres, à leur victoire et à l'esprit éminemment militaire qui prédominait dans le pays, s'appuyant sur des souvenirs de gloire et de malheurs dont la Prusse est sortie victorieuse sous son immortel roi Frédéric Guillaume III.

Но когда этотъ фактъ совершится, какое будетъ дальнѣйшее дѣйствіе правительства и что надо будетъ ему сдѣлать, чтобы возвратить монархіи бывшую ея силу и возстановить ея прошедшую власть?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось-бы сначала необходимымъ опредѣлить: какой именно родъ правленія подходитъ болѣе къ географическому положенію Пруссіи, къ ея прошедшему и къ ея настоящему составу?

Исторія свидѣтельствуетъ, что Пруссія своимъ величіемъ была обязана мужеству и побѣдамъ своихъ властителей и въ высшей степени воинственному духу, который преобладалъ въ этой странѣ, опираясь на воспоминанія славы и несчастій, изъ которыхъ Пруссія вышла побѣдительницей при безсмертномъ ея королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III.

Устройство, данное повоеннымъ королемъ своему войску, было тѣсно связано съ правительственнымъ устройствомъ страны. Все носило на себѣ отпечатокъ военнаго духа, потому что всякій проходилъ черезъ военную шеренгу, всякій былъ приученъ къ военной дисциплинѣ и всякій повиновался по наслѣдственной привычкѣ.

Если, въ великомъ несчастіи страны, эта самая дисциплина не была обращена на старинную систему общественнаго образованія, она по крайней мѣрѣ вѣнялась въ обязанность для каждаго лица пройти черезъ военную шеренгу. Поэтому можно

L'organisation, que feu le roi avait donnée à son armée, était étroitement liée à toute l'organisation administrative du pays. Tout se ressentait de l'esprit militaire, car chacun avait passé par les rangs de l'armée, dressé à la discipline militaire, chacun obéissait par habitude traditionnelle. Si, fort malheureusement pour le pays, cette même discipline n'avait pas été étendue au vieux système de l'éducation publique, au moins elle se réparait en partie par l'obligation pour chacun de passer par les rangs de l'armée. Il est donc permis de dire que la Prusse, jusqu'à la mort du roi, était une vaste colonie militaire, qui à l'appel de son roi ne formait qu'un seul camp, une seule nation armée, ne suivant que la voix de son souverain avec joie, avec bonheur.

Quel donc a pu être le but du roi actuel de saper les fondements d'une organisation semblable en voulant y substituer un gouvernement à formes constitutionnelles? Le pays était-il malheureux? Était-il pauvre, mécontent, l'industrie, les arts, les sciences, se trouvaient (ils) en souffrance, le royaume ne présentait-il pas l'aspect le plus riche, le plus

сказать, что Пруссія, до кончины короля, была обширною военною колоніею, которая, при зовѣ своего короля, составляла одинъ лишь лагерь, одинъ лишь вооруженный народъ, съ радостью и счастьемъ слѣдующій за однимъ лишь голосомъ своего государя.

Какая-же была цѣль нынѣшняго короля къ разрушенію основаній подобнаго устройства и въ желаніи замѣнить его — правленіемъ съ конституціонными формами? Была-ли эта страна несчастлива? Была ли она бѣдна, недовольна? промышленность, искусства, науки находились ли въ бѣдственномъ положеніи? не представляло ли королевство видъ самый богатый, самый счастливый, какого только можно было встрѣтить? Что-же было причиною подобнаго посягательства на столь блестящее прошедшее?

Разсмотримъ теперь эти столь хваленныя, и столь загадочныя конституціонныя формы; могли-ли онѣ быть примѣнены съ нѣкоторымъ основаніемъ къ странѣ, въ высшей степени военной и привыкшей повиноваться одной лишь волѣ?

Не ясно ли тѣ, что тамъ гдѣ болѣе не повелѣваютъ, а позволяютъ разсуждать вмѣсто повиновенія, — тамъ дисциплины болѣе не существуетъ; поэтому повиновеніе, бывшее до тѣхъ поръ распорядительнымъ началомъ, — переставало быть тамъ обязательнымъ и дѣлалось произвольнымъ. Отсюда происходитъ безпорядокъ во мнѣніяхъ, противорѣчіе съ прошедшимъ, нерѣшительность на счетъ настоящаго и совершенное незнаніе и недоумѣніе на счетъ неизвѣстнаго, непонятнаго, и, скажемъ

heureux qu'il fut possible de voir—qu'est-ce donc qui motivait un pareil attentat contre ce passé si brillant?

Examinons maintenant ces formes constitutionnelles tant vantées et si problématiques, pouvaient-elles être appliquées avec un peu de conséquence à un pays essentiellement militaire et habitué à obéir à une seule volonté?

N'est-il pas clair, que là où l'on ne commande plus, mais où l'on laisse délibérer au lieu d'obéir, il n'y a plus de discipline, par conséquent le principe régulateur jusque-là—l'obéissance cessait d'être obligatoire, mais devenait facultative. De là désordre d'idées, contradiction avec le passé, indécision sur le présent, et complète ignorance, incertitude sur un avenir inédit, incompréhensible — et disons vrai impossible. Ainsi donc établissons le fait, que la Prusse, pour rester ce qu'elle a été, une grande et forte puissance militaire, doit revenir à ses anciennes institutions basées sur les expériences et les traditions du passé, ou bien elle doit cesser d'être puissance militaire, descendre dans la classe d'états vastes à la vérité, mais faibles, à intérêts lo-

правду, невозможнаго будущаго. Такимъ образомъ, установимъ тотъ фактъ, что Пруссія, для того, чтобъ остаться той, чѣмъ она была: великой и сильной военной державой, должна возвратиться къ стариннымъ своимъ учрежденіямъ, основаннымъ на опытахъ и преданіяхъ прошедшаго, или-же она должна перестать быть военной державой, должна спуститься въ разрядъ государствъ, правда, обширныхъ, но слабыхъ, съ очень разнообразными, вовсе не однородными мѣстными интересами и подвергнуться всѣмъ превратностямъ, происходящимъ отъ пустословія и страстей 100 или 200 повелителей, замѣняющихъ благотворную волю одного государя, отца своихъ подданныхъ.

Можно надѣяться, что военное дѣйствіе противъ Берлина не можетъ и не должно имѣть цѣлью возстановить и свергнуть то, что было сдѣлано въ послѣднее время и съ чего уже получаютъ горькіе плоды, но напротивъ, возстановить старинное правительственное зданіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было въ года славы и благосостоянія монархіи. Никто не можетъ желать лишиться самаго себя жизни, потому что взять вторично оружіе для того лишь, чтобъ укрѣпить гнусный образъ февральскаго правленія, было-бы преступленіемъ, ибо это значило навсегда погубить Пруссію и замѣнить ее жалкимъ государствомъ, безъ силы и прочности.

Но мгновенное военное дѣйствіе во всей монархіи, во имя

caux très variés, nullement homogènes et exposés à toutes les vicissitudes du verbiage et des passions de 100 ou 200 maîtres au lieu de la volonté bienfaisante d'un souverain père de ses sujets.

Il est permis de croire qu'un mouvement militaire contre Berlin ne peut et ne doit pas avoir pour but de rétablir et de consolider ce qui a été fait en dernier lieu et dont l'on retire déjà des fruits amers, mais bien de restaurer l'ancien édifice gouvernemental tel qu'il fut aux années de gloire et de prospérité de la monarchie. L'on ne peut vouloir se suicider, car prendre derechef les armes pour consolider seulement le misérable gouvernement édifié en février, serait un crime, parce que ce serait détruire à jamais la Prusse pour y substituer un misérable état sans force ni durée.

Mais un mouvement militaire instantané dans toute la monarchie au nom du roi pour reconstruire ou établir l'ancien ordre de choses, me semble possible.

Il devrait être accompagné d'une proclamation du roi qui déclarerait que lors des évènements du mars le roi n'avait pu voir couler le sang de ses sujets dans une lutte fratricide sans horreur; que voulant

короля, для восстановления или водворенія стариннаго порядка вещей, мнѣ кажется возможнымъ.

Оно должно быть сопровождено провозглашеніемъ отъ самого короля, объявляющаго, что во время мартовскихъ событій, король не могъ безъ ужаса видѣть проливающуюся кровь своихъ подданныхъ въ этой братоубійственной борьбѣ; что, желая, во что-бы то ни стало, прекратить эту борьбу, онъ уступилъ мольбамъ, выраженнымъ ему во имя народа, пожаловавъ странѣ желаемыя ею учрежденія; что, впрочемъ, онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ томъ, что неодобренія не замедлятъ выразиться со стороны большинства народа, какъ вещь противорѣчащая духу народныхъ преданій, воспоминаніямъ о монархіи и къ тому-же въ совершенной противоположности съ интересами страны. Что убѣжденіе это овладѣло теперь всѣми благонамѣренными сословіями, что почти ежедневныя неистовства самой презрѣнной берлинской черни, не знавшей болѣе никакихъ границъ, угрожали и жизнямъ и собственностямъ. Что съ этой минуты, король полагаетъ, что наступило время прекратить такой порядокъ вещей, нетерпимаго и несомвѣстнаго съ честью Пруссіи и что, опираясь на непоколебимую вѣрность своего войска, прошедшаго черезъ цѣлую эпоху всевозможныхъ испытаній невредимымъ и непорочнымъ, — онъ объявляетъ все случившееся съ февраля 1847 года, отстраненнымъ и несуществующимъ; преж-

à tout prix faire cesser une telle lutte il avait cédé aux vœux qui lui furent témoignés au nom du peuple, en accordant au pays les institutions désirées; convaincu cependant d'avance qu'elles ne tarderaient pas à être reprouvées par la majorité de la nation, comme contraires à l'esprit national traditionnel, à tous les souvenirs de la monarchie et en opposition complète avec les intérêts du pays. Que cette conviction avait maintenant gagné toutes les classes bien pensantes, que les excès presque journaliers de la lie la plus abjecte de la population de Berlin, menaçait les vies et les propriétés, ne respectant plus aucun frein. Que dès lors le roi jugeait que le moment était venu de faire cesser un ordre de choses intolérable et incompatible avec l'honneur de la Prusse et que s'appuyant sur la fidélité inébranlable de son armée, qui avait traversé pure et intacte une époque d'épreuves de tout genre — il déclarait tout ce qui s'était fait depuis février 1847 comme abrogé et non avenu: les anciennes lois et les règlements de la monarchie rétablie dans toute leur rigueur et ceux qui s'y opposeraient comme traitres à la patrie et hors la loi, et partout où besoin serait, l'armée et la force militaire responsable de la mise à exécution du présent décret.

не-же законы и постановленія монархіи вновь установленными во всей своей силѣ и лица, противящіеся имъ будутъ сочтены измѣнниками и внѣ закона и что, наконецъ, вездѣ, гдѣ оно только окажется нужнымъ, войско и военная сила будутъ отвѣчать за исполненіе настоящаго постановленія.

II. Послѣ бѣдственныхъ берлинскихъ дней, прусскій король объявилъ, что отнынѣ Пруссія сливается съ Германіей. Безъ сомнѣнія, значеніе этого выраженія было понято немногими лишь людьми, но большая часть пруссаковъ, въ особенности войско, оплакиваетъ это рѣшеніе, не будучи въ состояніи свыкнуться съ мыслью, что столь исключительно военного характера монархія, имѣющая такіе исключительные интересы и преданія, должна вдругъ отказаться отъ своего прошедшаго и впредь признать своимъ—прошедшее всей остальной Германіи, съ которой она не имѣетъ ни тѣсныхъ связей, ни даже какихъ-либо хорошо доказанныхъ сношеній по общимъ интересамъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ провинцій, составляющихъ королевство. Неудовольствіе существуетъ, это несомнѣнно; честь войска столько же оскорблена, сколько оскорблены и его самыя дорогія преданья; самая страна испытываетъ, и очень вѣроятно, долго еще будетъ испытывать лишь неблагоприятные результаты, происходящіе какъ отъ совершеннаго переворота установленнаго порядка теперь уже болѣе не существующаго правленія, такъ и отъ неурядицы мыслей, отъ совершеннаго разстройства всего

II. Après les désastreuses journées de Berlin, le roi de Prusse a déclaré que désormais la Prusse se fondait dans l'Allemagne. Il n'est pas douteux que le sens de cette expression n'a été compris que de peu de monde, mais que la plus grande partie de Prussiens, l'armée surtout, déplore ces décisions, ne pouvant se faire à l'idée qu'une monarchie aussi éminemment militaire, ayant des intérêts et des traditions si complètement exclusives, dut tout-à-coup renier son passé et épouser à l'avenir celui du reste de l'Allemagne, avec laquelle elle n'a ni relations intimes, ni même aucun rapport d'intérêt général bien prouvé, au moins dans la grande majorité des provinces qui forment le royaume. Le mécontentement existe, ce n'est pas douteux, l'armée est froissée dans son honneur comme dans ses traditions le plus chères; le pays même n'éprouve et très-probablement n'éprouvera de longtemps encore que des résultats défavorables tant du changement total dans l'ordre réglé de l'administration qui n'existe plus, que du désordre d'idées, du bouleversement complet de tout l'ordre social et des relations privées, remplaçant si malheureusement la sécurité,

общественнаго порядка и частныхъ отношеній, которыя, по несчастію, замѣняютъ прошедшія: благосостояніе, безопасность и благоденствіе, бывшихъ предметами справедливаго удивленія Европы.

Но если къ этимъ грустнымъ истинамъ надо еще прибавить, что прошедшее свергнуто и ничто не создано, что могло бы его замѣнить, что безначаліе продолжается, что нахальство увеличивается и затрогиваетъ уже принципъ о законности престолонаслѣдія,—надо согласиться, что всякій истинный пруссакъ долженъ испугаться результата безпорядковъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ и онъ отнынѣ смотритъ на гибель своего отечества, какъ на вещь почти неминуемую.

Естественно, что чувство благородной любви къ отечеству заставляетъ искать средства спасти отечество, вопреки лицамъ, желающимъ его погибели, и возстановить старинное прусское знамя для того, чтобъ соединить подъ нимъ всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ дать погибнуть монархіи.

Берлинъ, измѣнически возставшій противъ своего короля, имѣетъ ли право предписывать законы всему королевству? Подчиниться волѣ толпы, овладѣвшей властью, не значить ли это предоставить ей странную силу? И если правительство настолько слабо, что не можетъ найти средство восторжествовать надъ нею, слѣдуетъ ли изъ этого, что вся монархія должна ей подчиниться? Если смѣлость нѣсколькихъ подлецовъ приговорить

le bien-être et la prospérité passée qui faisait la juste admiration de l'Europe. Mais si à coté de ces, tristes vérités, il faut encore ajouter que le passé est renversé sans que rien ne soit réédifié qui peut le remplacer; que l'anarchie dure, que l'insolence va en croissant et touche déjà au principe de l'hérédité légitime du trône — il faut convenir — que tout bon Prussien doit être effrayé du résultat de ces derniers deux mois de confusion et prévoit dès lors la ruine de sa patrie comme presque sûre.

Il est donc fort naturel que le sentiment du plus noble patriotisme fasse chercher les moyens de sauver la patrie, en dépit de ceux qui veulent la perdre et de relever l'ancien drapeau Prussien pour rallier sous lui tous ceux qui ne veulent pas laisser périr la monarchie.

Berlin, qui s'est traitreusement soulevé contre son roi, a-t-il le droit de faire loi au royaume entier? N'est-ce pas lui accorder une étrange autorité que d'accepter les volontés de la tourbe qui s'y est emparé du pouvoir? Et si le gouvernement est assez faible pour ne savoir trouver des moyens d'en triompher, s'en suit-il que toute la monarchie

прусскаго принца, законнаго наслѣдника престола, въ лишенію всѣхъ правъ его, надо ли изъ этого вывести, что Пруссія должна признать столь гнусное дѣйствіе?

Если, по несчастію, подобно дѣйствію прошло бы въ Берлинѣ безнаказанно и король даль-бы на то свое согласіе, нельзя предполагать, что король сохранилъ дѣйствіе своей свободной воли; подобное согласіе было-бы у него вынуждено, какъ у плѣнника—силой.

Въ этомъ несчастномъ случаѣ я полагаю, что принцъ прусскій не долженъ-бы подчиняться подобному рѣшенію. Ему-бы слѣдовало требовать возвращеніе своихъ неотъемлемыхъ правъ; онъ долженъ ихъ требовать посредствомъ вооруженной силы; все войско и большинство всей страны приняли-бы его сторону.

Два средства представились-бы ему, чтобъ снова завладѣть своимъ престоламъ: первое состояло-бы въ соединеніи его съ войсками, находящимися въ настоящую минуту въ Голштиніи, преданность которыхъ ему извѣстна; войско это немногочисленно, но испытано и находится ближе другихъ къ Берлину. Съ нимъ онъ могъ-бы тотчасъ идти на Берлинъ, освободить короля, овладѣть столицей и подвергнуть справедливому наказанію всѣхъ подлецовъ, которые тамъ преобладаютъ.

Второе средство состояло-бы въ томъ, чтобы сначала удо-

s'y soumettre? Si l'audace de quelques misérables se prononce pour la déchéance du prince de Prusse héritier légitime, faut-il déduire que la Prusse doit reconnaître un acte aussi indigne.

Si malheureusement un acte pareil passe impuni à Berlin et que le roi y donnait sa sanction, il n'est plus possible d'admettre alors que le roi ait conservé le libre exercice de sa volonté; un tel acte lui serait arraché comme à un prisonnier.

Dans ce cas malheureux je considère que le Prince de Prusse ne devrait pas se soumettre à une décision pareille. Il faudrait qu'il revendique ses droits imprescriptifs; il faut qu'il les réclame les armes à la main; il aurait pour lui toute l'armée et la grande majorité de tout le pays.

Deux moyens s'offriraient pour lui de reconquérir son trône; le premier serait d'aller joindre les troupes qui pour le moment se trouvent à Holstein, dont le dévouement lui est connu; elles ne sont pas nombreuses, mais éprouvées et les plus rapprochés de Berlin. Avec elles il pourrait de suite marcher sur Berlin, délivrer le roi et se rendre maître de la capitale en faisant justice des misérables qui y dominent.

ствовѣриться въ чувствахъ графа Дона, командующаго 1-мъ корпусомъ, и генерала Колломба, командующаго войсками въ Познани; я-же не сомнѣваюсь въ искренности ихъ національнаго чувства. Принцъ прусскій могъ-бы тогда отправиться въ Данцигъ или Пиллау, собрать 1-й корпусъ на берегахъ Вислы, присоединить къ нимъ часть или даже все находящееся въ Познани войско, которымъ можно располагать, — и всѣмъ вмѣстѣ идти на Берлинъ.

Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ несомнѣненъ. Первый представляетъ болѣе выгодъ по скорости своего исполненія; второй имѣлъ-бы преимуществомъ опираться на наше войско, какъ на резервъ, готовый идти на помощь принцу, — но только въ случаѣ вмѣшательства Франціи или Южной Германіи.

Настало, по-мѣтому, время съ полнымъ довѣріемъ открыться генераламъ графу Дона и Колломбу, чрезъ посредство здѣшняго прусскаго министра. Его дѣло будетъ выбрать вѣрный и непредосудительный способъ, чтобъ въ этомъ удостовѣриться.

Но если принцъ прусскій такъ слабъ, что возвратится теперь же въ Берлинъ, послѣ того, какъ настоящее направленіе оказалось такимъ гнуснымъ въ отношеніи его, то это была-бы непростительная ошибка, могущая наконецъ совершенно погубить Прусскую монархію, потому что принцъ долженъ бы былъ

Le second moyen serait de s'assurer d'abord pour ce cas des sentiments du comte Dohna, commandant le 1-er corps et du général Collomb, commandant les troupes à Posen; je ne doute pas de leurs sentiments éminemment prussiens. Alors le prince de Prusse pourrait se rendre à Dantzig ou Pillau rallier sur la Vistule le 1-er corps, y joindre partie ou toutes les troupes disponibles de celles qui sont à Posen et marcher avec le tout sur Berlin.

Dans les deux cas le succès n'est pas douteux. Le premier offre plus d'avantages par la promptitude de l'exécution, le second aurait l'avantage de s'appuyer sur notre armée comme une réserve prête à venir au secours du prince; mais dans le cas seulement d'une complication avec la France ou le Midi de l'Allemagne.

Le moment est venu selon moi pour s'en ouvrir sincèrement aux généraux comte Dohna et Collomb par l'entremise du ministre de Prusse près d'ici. Ce serait à lui de s'en assurer d'une manière sure et non compromettante.

Mais si le Prince de Prusse a la faiblesse de revenir à Berlin maintenant, après que l'esprit public s'y est montré si infâme à son

подписать унизительныя, почти поворныя условія и правая сторона, съ той же самой минуты потеряла-бы всякій предлогъ къ противодѣйствию и всякую надежду на спасеніе праваго дѣла.

Примѣчаніе. Сообщеніемъ приведенныхъ документовъ (1848 г.) мы обязаны (нынѣ покойному) генералъ-лейтенанту Василю Федоровичу Ратчу.

Ред.

égard; ce serait selon moi une faute impardonnable qui pourrait à jamais perdre la monarchie Prussienne, car le prince devrait souscrire des conditions humiliantes, presque infamantes et le bon parti perdrait dès l'instant tout prétexte comme tout espoir de remonter et de sauver la bonne cause.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА ВЪ 1854 ГОДУ ПРОТИВЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ.

(изъ записокъ очевидца и участника въ этомъ дѣлѣ.)

«Дѣйствія наши въ Примурскомъ краѣ, защита Петропавловска, факты принадлежаще исторіи; а на основаніи того, что исторія, по выраженію Цицерона: «должна имѣть два закона, а именно: чтобы она не смѣла сказать ложь, и не устранилась сказать истину»,—исторія возмаетъ и въ этомъ дѣлѣ всею, что она заслуживаетъ. И, можетъ быть, исторія выведетъ такія личности, которыя нынѣ останутся неизвѣстными, и личности, которыя въ настоящее время приписываютъ на ряду съ прочими характеръ чисто ископительный, тогда какъ они были въ этомъ дѣлѣ самостоятельными. Невельской *)», (Морск. Сб. 1860 годъ кн. XII стр. 385).

Въ декабрьскомъ номерѣ «Морского Сборника» за 1854 г. напечатана статья: «Нападеніе на Камчатку англо-французской эскадры, въ августѣ 1854 г.», составленная на основаніи совершенно недостоверныхъ свѣдѣній объ отраженіи нападенія на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры. Подробности знаменитаго отраженія непріятелей отъ восточныхъ предѣловъ нашего отечества сдѣлались, такимъ образомъ, извѣстны Россіи не вполне и при томъ, главнымъ образомъ, изъ означенной статьи.

*) Геннадій Ивановичъ Невельской—тотъ самый, которому Россія обязана приобретеніемъ Амурскаго края по айхунскому трактату 16 мая 1858 г. Въ 1854 году Геннадій Ивановичъ приуготовилъ по рѣкѣ Амуру тотъ путь, по которому защищены берега восточной Россіи отъ нападенія англо-французовъ и спасена Камчатка.

А. П. Арбузовъ.